

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Пусть проигравший плачет

«Научная книга»

Серова М. С.

Пусть проигравший плачет / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Известного в городе антиквара находят сидящим в собственном кресле с застывшей улыбкой на лице и узкой смертельной раной в груди. Вслед за этим обнаруживают бездыханное тело его друга – художника. И едва ли не на следующий день в разных концах города погибают уважаемый господин и двое несчастных бомжей. Единственное связующее звено в цепи этих преступлений, которые предстоит расследовать частному детективу Татьяне Ивановой, способ убийства и оружие – старинный испанский стилет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Пусть проигравший плачет

Глава 1

Он шел по темному проспекту, не удивляясь тому, что этот еще недавно наводненный людьми жаркий проспект теперь столь пустынен и никому не нашлось здесь места...

– Нет никому места. И мне – тоже...

Его губы прошептали это беззвучно. Впрочем, последнее время он сам был беззвучен. «Слишком много бед обрушилось на меня, – подумал он. – Слишком много... Прости, господи, что больше я не могу быть кротким и терпеливым. Как-нибудь потом попытаюсь объяснить тебе, почему так произошло. Но не сейчас...»

Шаги отдавались в ушах, казались оглушительной канонадой, хотя он знал, что это только обман слуха – чувства, распаленного страхом.

Он так целеустремленно двигался к цели, что почти начал забывать про него. Про страх, ставший последнее время его постоянным спутником, настолько постоянным, что он привык к нему и перестал обращать на него внимание.

* * *

Жара и комары сделали свое дело. Я проснулась и взглянула на часы. Половина третьего... Ничего себе. Кажется, мне скоро придется забыть о том, что по ночам люди спят.

Когда просыпаюсь, я не могу вновь заснуть довольно долго. По радио передавали какую-то бурду, слишком бодрую для такого времени суток. Я прошла в кухню и налила себе обжигающе холодной минералки. В жару я могла спастись только с ее помощью.

Улица была пустынной.

Я прикрыла глаза. Ночью тебе везде мерещатся странности. Как будто только присутствие людей делает этот мир нормальным, ей-богу... В душе я была не согласна с собственным постулатом. Если уж кто и делает сей мир похожим на огромный балаган, так это исключительно люди. Значит, отсутствие оных как раз и дарит уставшей от них природе долгожданный покой. Впрочем, показавшаяся в отдалении фигура явно собиралась его нарушить.

Человек шел так, будто что-то для себя решил. Очень важное и не весьма для него приятное. Я затруднялась определить его возраст. Музыка сменилась. Очередной щемящий опус Майка Олфилда наполнил ночь отголосками таинственности.

Я проводила взглядом одинокую фигуру. Сейчас мне отчего-то показалось, что этот странник – монах-капуцин. Может быть, из-за капюшона?

Страстная и пылкая любовь заставила странного прохожего покинуть стены обители поздней ночью и отправиться на свидание к даме сердца.

«Ну, конечно, – усмехнулось мое второе „я“. – Вот так все и было. Человек просто возвращается с работы или с дружеской попойки, а Танечке все романтические бредни мерещатся... Возлюбленные в кринолинах».

– С тобой скучно до омерзения, – поведала я голосу разума, тяжело вздохнув при этом. Надо же быть таким трезвым, просто умереть от тоски можно!

«А с тобой – погибнешь, сраженный... „Вот пуля просвистела – в грудь попала мне...“ Если бы в твоей голове было побольше рассудка, то есть меня, и поменьше романтически-авантюрного бреда, насколько бы спокойнее жилось...»

– Угу, – буркнула я. – Вот прямо от спокойствия этого твоего непомерного я бы точно на второй день преставилась. Увеличившись от тоски в объемах кило на двадцать...

Я бросила еще один тоскливый взгляд в тот переулок, где исчезла фигура монаха-капуцина, отправившегося к возлюбленной нарушать обет безбрачия. Конечно, ты права, злобно протелепатировала я своему «альтер эго». Он задержался на работе. Или возвращается с попойки. Но если ты думаешь, что от знания этого факта мне стало веселее, то крутенько ошибаешься...

Дело в том, что целую неделю я маялась от тоски и скуки, буквально не зная, чем занять свое пылкое воображение и чем утолить жажду деятельности. А ведь виновата в этом была я сама – объявила, что у меня тайм-аут и я устала!

Сначала мне даже нравилось лежать, читать, смотреть телевизор. Глупости, которые оттуда неслись, я воспринимала с блаженством, книги читала с упоением самые разные – все, что попадалось мне под руку, в результате чего создался отчаянный винегрет из Диккенса, Германа Гессе, Стивена Кинга и Джеки Коллинз. Если первые три прекрасно сочетались друг с другом, то бедняжка Джеки, как все женщины, поспешила поддаться их влиянию, отчего и показалась мне ужасно мрачной. В конце концов я начала подвывать. А телефон молчал. Ну не станешь же навязываться клиентам сама? Звонить и спрашивать: «У вас случайно ничего не украли? И никого не убили? А сами вы ничего украсть и никого убить не собираетесь?»

В конце концов вынужденный отпуск сделал свое дело, и у меня смешались день и ночь. Поскольку некоторые дни я просто спала, а ночами развлекалась, как и теперь. Пила кофе, слушала музыку и пялилась в окно, ожидая чего-то экстраординарного в своей жизни. Придумывала истории про прохожих, встречающихся мне, и искренне жалела, что отказалась съездить в Англию, как мне предлагали. В тот момент мне казалось, что отдохнуть по-настоящему я смогу только в собственной квартире. Вот и отдохнула – до оскомины...

* * *

Ритка тосковала в родительской квартире, которую необходимо было стеречь ввиду того, что количество материальных ценностей в оной резко превосходило количество Риткиных ценностей. А так как в очередной раз Ритку посетила глубокая сердечная тоска, она не могла заснуть и после тяжелой и изнурительной борьбы с бессонницей смирилась и решила выжать из создавшейся ситуации максимум удовольствия. Духота и комары ее, неспящую, уже не волновали. Она открыла все окна, налила себе кофе – если уж нельзя и так заснуть, то никакой особенной причины нет отказываться от этого бодрящего напитка.

По радио играл любимый Майк Олфилд, побуждая Ритку к романтическому и возвышенному состоянию, но Ритка знала, что это вредно для ее организма, и выставилась в окно, наблюдая за темными глазницами домов в тщетной надежде отвлечься от мыслей о незадавшейся личной судьбе. Судьба в очередной раз одарила Ритку свинячьей улыбкой в лице голубоглазого красавца брюнета, исчезнувшего раньше, чем Ритка успела осознать всю глубину своего очередного чувства. В общем-то, он поступил банально. Так делали все прежние Риткины кавалеры, и этот ничего существенно нового в ее жизнь не привнес. Разве что исчез немного быстрее, чем остальные.

Ритка пялилась с остервенением в темные окна и старалась отучить себя от вредной привычки обдумывать случившееся и анализировать его в попытке отыскать свои ошибки. Этому, на свою беду, она научилась у матери, и Ритка никак не могла теперь отвыкнуть от такой безобразной манеры. Как она ни старалась, все равно не видела за собой вины – разве что слишком была милой и ненавязчивой...

В тот момент, когда она мечтательно и грустно пыталась представить себе достойного рыцаря, припадающего перед ней на одно колено, а лучше вообще падающего ниц и протя-

гивающего ей, Ритке, вырванное из груди ради ее скромной особы сердце, в доме напротив, прямо перед Риткиным окном, зажегся свет.

Обрадованная Ритка собственный светильник тут же выключила, из этических соображений. Во-первых, чтобы человек не думал, что за ним подглядывают, а во-вторых, чтобы сам не подглядывал. Ритка по случаю духоты разгуливала по квартире абсолютно обнаженной, прямо как гойевская маха. При чем тут маха, Ритка объяснить бы не смогла, просто вспомнилось. Сама Ритка к махам отношения не имела, работала скромной секретаршей, и в связи с этим у нее было очень мало тех ценностей, которые она призвана была охранять в родительской квартире.

Итак, свет зажегся, окно открылось, и в окне завис старикан с круглым животом в широких трусах с пуговками. Старикан этот показался Ритке немного фривольным, поскольку достал ко всему прочему сигару и начал ее курить. Вот так, навалившись животом на окно, он и висел, причем Ритке казалось, что пялится он именно на ее окно. Она даже отодвинулась вглубь, чтобы он ничего не мог рассмотреть. Потом хотела даже накинуть халат, но, поразмыслив, решила, что это глупости – свет-то она выключила, так? А в темноте ничего не рассмотришь, хоть из окна выпади!

Старикан находился явно на кухне, потому как на минуту из окна исчез, открыл холодильник, продемонстрировав при этом непрактичной Ритке, как нужно жить. Чего там не было, Ритка не разглядела. А вот было там достаточно, чтобы у нее потекла слюна безысходности от осознания того, что у нее таких яств вовеки не будет.

«Крутенький попался старикашка», – подумала уныло Ритка. На одно мгновение в ее голову залетела шальная мысль, не сделать ли его своей судьбой: уж такой пузатенький и лысенький точно отвалит от нее только в одном направлении – на небеса или, напротив, сойдет в глубины преисподней. Но, нахмурившись, Ритка прогнала червоточные и лишённые всякого подобия нравственности мысли. К тому же живот уж очень висел, и еще Ритка разглядела огромное родимое пятно на затылке, как у Горбачева, только еще больше. В общем, от своих матримониальных планов Ритка быстренько отказалась.

Вернулся веселый старичок в окно с банкой пива – Ритка не рассмотрела какого, но уж наверняка не «Пенза-бир». Устроившись на окне немного рискованно, старичок достал какую-то продолговатую вещицу и начал ее разглядывать. Вещица эта иногда отливала загадочным блеском, и Ритка начала умирать от любопытства. Но, как она ни силилась, разглядеть ничего не могла. Уж больно далеко эта вещица мерцала. Старичок меж тем попивал пиво и разглядывал предмет с явным восхищением и любовью. Ритка продолжала умирать, но жажда выжить боролась в ней с ненужной порядочностью. В конце концов Ритка решила, что от ее смерти проку не будет, например, ограбят-таки родительскую квартиру, поскольку труп грабителей не остановит, как пить дать. И она бросилась разыскивать отцовский топографический нивелир.

С этой целью она перерыла все шкафчики и столики, искренне опасаясь, что за время ее поисков старикан успеет вдоволь налюбоваться заинтриговавшей Ритку вещицей и сгинет с кухни. Эта перспектива заставляла Ритку действовать быстрее, она даже не остановилась перед пылью, собравшейся под диваном в виде векового наслоения. Именно там противный нивелир и лежал в деревянном ящике.

Сожалея, что отец никогда не работал астрономом, поскольку ей куда больше понравился бы телескоп, Ритка установила нивелир на стуле, чтобы не нагибаться, и, приметив в окне уже ставшую почти родной лысину, вперила в трубку. Всем был хорош нивелир – и вещи увеличивал прекрасно, только делал это почему-то вверх ногами. Так что теперь старикан тоже перевернулся и пил свое пиво вверх ногами, умудряясь не проливать при этом ни капли.

Ага, вот и предмет... Ритка аж застонала от усердия, рассматривая его. Но так и не могла понять, что ж это за инкрустированная золотом фитюлька такая? Стиллет? Кинжал? Нет... И почему этот милый старичок так наслаждается его видом?

Ритка мало того что упорно не могла понять, что это такое, она еще и ничего особенного в нем не видела, как ни старалась разделить со стариканом его восхищение и радость.

– У каждого свои приколы, – буркнула Ритка, складывая нивелир. Грустные мысли опять овладели ею, и Ритке стало все равно.

Она бросила взгляд в окно, обдумывая, не помахать ли на прощание старику рукой, и вздрогнула.

Ритка невольно попятилась в тень и прижала руку ко рту.

Там, в глубине комнаты, мелькнула чья-то тень. Ритка не могла понять, был ли то мужчина или женщина. Темный балахон делал фигуру какой-то монашеской. Ритка почувствовала, что если немедленно не закроет глаза, то увидит что-то ужасное. Но закрыть глаза ей не удавалось – любопытство оказывалось сильнее. Конечно, можно было позвонить в милицию, но Ритка боялась милиции. Так и стояла, окаменевшая, как Венера Милосская. Руки прижаты к груди, рот открыт, а глаза безумно вытаращены. Конечно, сама Венера стояла совсем не так. Но Ритка подумала, что если бы она все это увидела, то уж точно бы застыла именно в такой позе. Разве что без рук.

А в это время старикан обернулся, увидев тень в балахоне, испугался и попробовал вещь спрятать. Он начал пятиться от тени, медленно двигавшейся на него, и так успешно пятился, что вконец перепуганная Ритка услышала вопль, увидела короткий взмах руками – и тело старика шлепнулось на асфальт.

– Мапочки, – прошептала Ритка, ловя ртом воздух, начавший заполняться страхом.

Она бросилась к телефону и набрала номер единственного человека, который, как она считала, может разобраться со всем этим кошмаром.

* * *

Мой «чай на полночных кухнях» продолжался. Я вдохновенно отдалась пьянящему чувству ночной свободы. Стрелки часов медленно продвигались к трем утра, но их движение мало меня волновало. Я чувствовала себя так же прекрасно, как в ранней юности, когда, вырвавшись на свободу из-под неусыпного родительского ока к брошенной предками подруге, мы так же радостно не спали ночью, ощущая себя взрослыми и счастливыми. Жаль, конечно, что мой чай сейчас был как-то беспросветно на одну персону, а не на двоих, как вообще-то положено. Но не всегда же личная жизнь должна быть полноценной! Тогда не ощутишь радости от того, что она замаячила на горизонте...

В половине четвертого мой тет-а-тет с самой собой нарушил бестактный телефонный звонок.

Я остоленело вылупилась на телефон, поскольку не могла понять, кто решился побеспокоить меня в этакое время. Остановилась на том, что это ночные шутники, которые любят, набрав первый попавшийся номер, поохотать в ухо несчастной жертве дьявольским и пакостным голосом. Решив, что отвечу тем же, и приготовившись к ответному хохоту, исполненному сарказма, я подняла трубку и с удивлением услышала взволнованный голосок моей подружки Ритки Шатохиной.

– Тань? Я тебя разбудила?

– Нет, – честно призналась я.

Она почему-то нисколько этому факту не удивилась, а продолжила:

– Танечка, у меня только что в окне напротив старичка убили. Что мне делать?

– Воскреси его, – присоветовала я, решив, что моя подруга пытается так развлечься.

– Тань, я серьезно, – простонала она.

– Ритка, ну что за чушь ты несешь? Какого старичка? В каком окне напротив? Ты что, Конан Дойла на ночь начиталась и теперь тебе майоры Шолто мерещатся?

– А ведь точно... Я-то думаю, на что все это было похоже – а так и было! Помнишь этот фильм? Там еще этот майор Шолто был такой рыжий и конопатый... Вот так все и было примерно. Сначала этот майор...

– Какой? – иронически спросила я. – Рыжий и конопатый?

– Нет, толстячок лет семидесяти-восемидесяти... С лысиной и пятном.

– Горбачев? У тебя в Солнечном? – удивилась я.

– Таня! Я не в Солнечном! Я у мамы с папой. Они уехали в Азов отдохнуть, а я пасу их квартиру! Это вовсе даже рядом с тобой! На набережной...

– Совсем рядом, – усмехнулась я. – Ближе, может быть, только твой Солнечный. Или Заводской. Ну и что там с твоим майором Горбачевым произошло?

– Он что-то рассматривал. Вещицу, похожую на оружие. То ли стилет, то ли кинжал... Старинную. Пил пиво, курил сигару. Потом там появилась тень, и он начал пятиться. Пятился, пятился и выпал из окна...

– Так посмотри, что там с ним. Ты видишь?

– Сейчас, – с готовностью сказала Ритка, и по ее шагам я поняла, что она совершенно всерьез отправилась выполнять мой совет. Значит, она не прикалывается?

Она вернулась запыхавшаяся и почему-то шепотом проговорила:

– Тань? Ты слушаешь? Его там нет...

– Как? – не поняла я. – Как нет, если он выпал? Может, в кустах валяется?

– Там нет никаких кустов! Там асфальт, причем освещенный фонарем, и лавочка! Его нет нигде – ни на асфальте, ни на фонаре, ни на лавочке!

– А домой он не вернулся?

– Сейчас...

Она опять протопала к окну и так же быстро вернулась.

– Нет. Там пустая кухня – так же все освещено, и холодильник на месте, а старикашки нет!

– Может, его «Скорая» прихватила?

– Я бы услышала, – с сомнением в голосе проговорила Ритка.

– Ну, тогда он сам куда-то отправился.

– В трусах? – не поверила мне Ритка.

– Он же упал! Стукнулся головой, наверное, сильно. И ему стало наплевать на свой внешний вид. Например, он отправился искупаться... Кстати, с какого этажа он упал?

– С четвертого.

Да уж... Старичок, выпадающий с четвертого этажа и отправляющийся искупаться на Волгу, – это, конечно, немного из области фантастики.

– Рит, ты все хорошо проверила? Его правда нигде нет?

– Нет, – пробормотала Ритка.

– Ну и спи спокойно. На нет и суда нет. Завтра все узнаешь у соседок. Они наверняка даже ночью бдят, как ты, только более пристально за всеми событиями наблюдают.

– Тань! – после недолгого сопения пробормотала Ритка.

– Чего?

Я из чувства протеста захотела спать. Ну что она ко мне пристала с этим летучим старичком?

– Танечка, я боюсь...

– Рит, ну чего ты боишься? Он же тебе не явится...

– А вдруг он меня видел, а на самом деле он – вампир? И вовсе даже не упал, а улетел? И явится ко мне, чтобы мою кровь выпить?

– Ну и чего ты хочешь от меня? – не удержалась я от зевка.

– Чтобы ты приехала ко мне, – нагло заявила Ритка.

– Ага, чтобы он выпил не только твою, но и мою кровь... Почему это мои друзья больше склонны заботиться о престарелых вампирах, чем о своих товарищах? Нет, я, конечно, понимаю, что он будет тебе очень благодарен: вместо одной порции – сразу две! Этак он обожрется, тебе не кажется?

Ритка хихикнула.

В конце концов, пока мы разговаривали, ночь начала уступать место утру – воздух приобрел серо-голубой оттенок... Ритка там одна с выпавшим вампиром никак не справится, это уж точно, а я потом буду всю жизнь локти себе кусать, что обрекла подругу на верную смерть. К тому же, насколько можно судить из прочитанного, эти самые вампиры как зараза, и Ритка тоже станет вампиршей. К кому она припрется в первую очередь? Ко мне, конечно. К той, кто ее от такой разнесчастной участи не спас. Лучше уж поехать. Все равно весь сон в очередной раз улетучился от укуса младшего братца выпавшего из окна старикашки – комара. Задумчиво расчесывая укушенное место, я поняла – делать нечего, надо одеваться... Не каждый раз случаются в моей жизни такие интересные ночи, следует воспользоваться оказией...

* * *

Машин на дороге, кроме моей, еще не было. Правильно, не станут же они сами разгуливать и разезжать, когда их владельцы спят? Только моя «девятка» терпела свою неординарную хозяйку уже несколько лет. И сейчас я наслаждалась чудесным моментом, когда никто не дышит в затылок и чувствуешь себя при этом «беспечным ездоком». Ликуя и радуясь неизвестно чему, разогналась я на скорости под сто сорок и только об одном сожалела: что набережная оказалась действительно ближе, чем я рассчитывала, и уже через несколько минут я стояла перед Риткиным домом. Вернее, не Риткиным, а ее предков. Ритку-то они благоразумно поселили подальше от себя, чтобы отдохнуть от собственного чадца хоть на старости лет.

Оказавшись во дворе старого дома, еще, на мой взгляд, дореволюционного, я осмотрела окрестности. Окно, в котором Риткин старикашка проводил последние минуты своей жизни перед трагическим полетом, я вычислила сразу. Поскольку свет там навязчиво продолжал гореть даже в предрассветных сумерках и никого при этом там не мелькало. Дом был расположен как-то не очень удачно, поэтому двор больше походил на колодец. С трех сторон он был огражден стенами, и ни одного при этом балкона, если, конечно, не считать за балконы крошечные ограждения, на которых глупые хозяева рассаживали цветочки. Окно продолжало манить меня зажженным светом, и я еле удерживалась от соблазна подняться и постучать в дверь. Все равно человек не спит...

Внимательно разглядев окружающую местность, я пришла к выводу, что у Ритки были ночные галлюцинации, поскольку никакого старичка там и в помине не лежало. Более того, присмотревшись, я поняла, что он был просто обязан выпасть на газон, который наверняка бы подпортил, поскольку, судя по описанию живота, веса в нем было для этого достаточно. Однако ж розочки гордо торчали в клумбе, фонарь тоже оставался одиноким, как бедный Йорик, а на асфальте все было спокойно – ни пятнышка, хотя я не поленилась встать на колени и все осмотреть более чем внимательно.

Решив, что теперь вполне можно пойти утешить обезумевшую подругу и объяснить ей, что не всегда ночные видения бывают истинными, а являются всего лишь плодом нашего распаленного ужасной жарой воображения, я поплелась на четвертый этаж пешком, поскольку в доме ее родителей лифт выключали сразу с наступлением темноты.

* * *

Ритка открыла мне дверь с та-а-кой улыбочкой, что я сразу поняла – дело плохо. Придется утром вызывать «Скорую», если не удастся привести ее в чувство.

– Танька, привет, – сказала она, лихорадочно дергая руками, как если бы за ее спиной находился вредный Фред собственной персоной. При этом я подумала, что, может, это и не она мне звонила, потому что она очень удивленно на меня посмотрела.

– Здоровались, – мрачно напомнила я ей.

– Ах да. Хорошо, что ты приехала. Кофе будешь?

Я внимательно окинула ее подозрительным взглядом.

– Конечно же, я не откажусь от кофе, – сказала я. – Но если ты позвала меня за этим в четыре часа утра, я преклоняюсь перед твоей оригинальностью. Никому еще такая мысль в голову не приходила, можешь подать заявку в Книгу Гиннесса.

Она как-то опять дернулась, я даже перепугалась – не начинается ли у нее пляска святого Витта (кстати, интересно, что же такое исполнял в дансинге святой Витт, что его именем называли эту болезнь, когда руки и ноги дергаются, не подчиняясь тебе?), – и скосила глазами в сторону проклятого окна, почему-то прижав к губам палец.

– Тихо! – приказала она мне.

Я покрутила пальцем у виска.

– Ты что? Всерьез боишься вампиров?

– Нет, я не идиотка, – отказалась принять очевидный факт за истину моя бедная подруга. Я имею в виду не факт существования вампиров, который я и сама склонна ставить под сомнение, а тот факт, что какая-то доля идиотизма ей сейчас была присуща.

– Тогда чего ты продолжаешь дергаться? Нет нигде твоего старичка с животом, я все там осмотрела!

Она вытаращилась на меня с таким ужасом, что он начал передаваться мне.

– Что? – спросила я.

– Они тебя видели?

– Кто? – продолжала недоумевать я. – Ты вроде говорила об одном выпавшем старичке. Там еще несколько выпали?

– Почему? – спросила меня Ритка нормальным удивленным голосом.

– А почему – они?

– Потому что там...

Она бросила опять в сторону окна взгляд, исполненный ужаса.

– Ритка, – начала я терять терпение, – прекрати туда пялиться. Там нет никого. Старикан твой упал удачно: зацепился за фонарь, спрыгнул и пошел дальше. К утру вернется... Хотя, если бы я шлепнулась с четвертого этажа, я бы лежала уже в больнице с сотрясением мозга или вообще бы преставилась, но ему вот повезло... Иногда такое случается. Может, там в это время кошка проходила. Он упал на кошку, и она спасла ему жизнь.

– Кошка? – вытаращилась на меня Ритка. – Да не было там кошки. Там другое... Посмотри сама.

Я послушно посмотрела. И так мне увиденное там не понравилось, что я почувствовала себя как Ритка. То есть подражать святому Витту в его странных танцах я не стала, конечно. Но холодный пот меня прошиб.

Там, на кухне, сидел пузатый старикан, невесть откуда взявшийся, перед ним торчала бутылка «Гиннесса», в пальцах он зажимал потухшую сигару, и на лице его застыла гримаса такого неземного блаженства, что меня почти стошнило.

Поскольку такие вот бессмысленно идиотские лица я встречала только у трех категорий людей. У психов, у алкоголиков и у мертвецов. Так как по отсутствию всяческих движений было трудно заподозрить его в принадлежности к первым двум категориям, он явно напрашивался на третью.

То есть был совершенно безнадежно, беспросветно мертв.

Глава 2

– Ой, – сказала я, поскольку никаких других, более полноценных и умных слов у меня не нашлось.

Ритка осторожно оглядела меня и спросила:

– Значит, ты тоже так думаешь?

– Что я думаю? Я в данный момент вообще ничего не думаю, – рассвирепела я. – Потому что, когда тебя ночью вытаскивают из дома, чтобы полюбоваться на труп старикана в трусах, я вообще плохо думаю. У меня все мысли отчалили вдаль и посылают нам большой привет. С Большого Бама...

– Не сердись, мне и так плохо, – простонала Ритка. – У меня все внутренности к спине прилипли. И меня почему-то тошнит...

– Если бы ты не подсматривала в окна, ничего бы не произошло, – назидательно заметила я, неизвестным самой себе образом связав происшествие в квартире напротив с Риткиным любопытством.

– Почему? – искренне удивилась Ритка. – Ты думаешь, они его убили потому, что я за ним подглядывала?

– Да объясни же мне наконец, кого ты называешь «они»? Тут что, целая банда на этого несчастного старикана набрасывалась?

– Вроде того, – растерянно пожала плечами Ритка. – Сначала пришел этот непонятный. То ли мужчина, то ли женщина. И в одежде монаха.

– Какого монаха?

– Капуцина какого-то. Не знаю. На нем был такой капюшон, надвинутый на глаза.

Мысль о том, что в окрестностях Тарасова открыли капуцинский монастырь, и его послушники ночами разгуливают по городу, и некоторые еще и убивают стариканов в трусах, мне совсем не понравилась.

– Откуда у нас эти капуцины взялись? – вздохнула я. – Может, миссионеры?

– Ты о чем?

– Я тоже видела какого-то капуцина. Только у себя. Он ночью под моим окном разгуливал.

– Во сколько? – оживилась Ритка.

– В половине третьего.

– Постой, так ведь от твоего дома до моего – ровно полчаса. Значит, он сюда шел! Потому что если у нас в Тарасове и найдется капуцин, то уж наверняка только в единственном числе...

– Ну да. И нарочно начнет ходить то у тебя, то у меня перед носом. Не может быть!

– Это просто совпадение, – продолжала настаивать на своей версии Ритка. – Так что ты сама видела первого убийцу.

– Почему первого? – удивилась я.

– Потому что он его недоубил. И пришел второй...

– Капуцин? – испугалась я.

– Да нет, – поморщилась Ритка. – Этот был обычный. И поднялся он вместе со стариканом.

– То есть ты хочешь сказать, что старикан этот его знал и привел, бедняга, собственного душегуба в квартиру?

– Не знаю. Только они вместе вошли в квартиру, и старик все время руки к груди прижимал, как бы благодарил. А тот, второй, все смотрел на то, что было у старика в руках. И потом размахнулся и убил. Тут я и совершила глупость...

– Какую из? – спросила я. – Ты уже много глупостей совершила!

– Самую глупую. Я заорала.

О боже! Я вытаращилась на Ритку.

– Как заорала?

– Громко, – прошептала Ритка. – И этот, второй, посмотрел на мое окно. Потом я спряталась. А он вышел во двор. Я тихо так подползла к окну и посмотрела вниз. Он стоял с мужиком в бейсболке и о чем-то говорил, а сам смотрел на мое окно. И рукой еще показывал. Оба они задрали головы и стали тарашиться с таким интересом, будто ничего причудливее моего окна в жизни не видали. Танька, скажи честно, меня теперь убьют, а?

Последнюю фразу бедная Ритка простонала. В ее глазах было столько страха, что хватило бы на весь город сразу.

– Думаю, что попытаются. Ты видела, как они совершили преступление, и теперь являешься для них опасным свидетелем. Поэтому тебя надо спрятать...

– Как это? А родительские ценности?

– Что-нибудь придумаем, – пообещала я ей. – В крайнем случае, поселим тут Мельникова с Началовым. Пусть поживут, преступников поприманивают. Тебе тут оставаться пока нельзя. Они теперь за квартирой присматривать будут. Может, их присмотра твоим родителям хватит?

– Как это? – не поняла Ритка.

– Ну, им же надо, чтобы кто-то за квартирой присматривал. А эти твои убийцы...

– Не мои! – заорала почти истерически Ритка. – Я пока еще не убита!

– Пока еще вроде нет, – согласилась я, внимательно осмотрев ее. – Пока вроде у тебя цвет лица нормальный и дышишь ты в пределах нормы. Кожа теплая. Так что успокойся – живая. Но в свете последних событий кто знает, какой ты будешь завтра! Поэтому лучше пусть за предковскими реликвиями следят сами преступники. Или Мельников.

Хотя одна мысль уже в мою безумную голову пришла. Не такая уж я дура, чтобы понять, куда нас отправит Мельников вместе с нашей идеей поручить ему присмотр за квартирой! Поэтому оставалась одна добрая душа, согласная положить жизнь за «друзья своя». Вернее, поскольку она особа просто задышалась без приключений, а от любопытства у нее и вовсе в «зобу дыханье сперло», она и решила, кто будет за Риткиной квартирой присматривать.

Звали ее, конечно, Таня Иванова.

* * *

Вот эта самая полная идиотка и предложила Ритке свой план. Я остаюсь вместо нее в квартире, а она как можно незаметнее исчезает отсюда и занимает позиции в моей. Заодно звонит Мельникову, пусть он все-таки что-нибудь придумает.

– Хотя нет, Мельникову делать здесь нечего, – отказалась я от его участия в моем предприятии. – Мельников все испортит, убийц моих распугает и никого приманить не получится!

– И хорошо, – не поняла меня Ритка. – Зачем они тебе? Он всех их распугает и арестует.

– Ничего ты не понимаешь, Ритка. Я же должна сама понять, что у вас тут произошло. А Мельников – он помешает. Ты, конечно, как хочешь – можешь ему сказать, что я тут сторожу квартиру твоих предков, в то время как тебя просила посторожить мою... Нет, бред какой-то получается! Лучше уж ничего ему не объяснять, сами разберемся!

Ритка промолчала, причем с таким видом, что я сразу заподозрила, что она все охотно спихнула бы на бедного Мельникова и доверяет ему больше, чем мне. Эту мысль я поспешила высказать вслух в виде вопроса.

– Нет, что ты... – заверила меня Ритка. – Я тебе очень даже доверяю. Просто я боюсь их. Ты же не видела, какие они мрачные личности, а я видела.

– Вот и посмотрю, – легкомысленно заявила я. – Я тоже, знаешь ли, не подарок, связываться с собой ни за что бы не рискнула! Так что давай собирайся, потому как тебе надо в мою квартиру.

В принципе мы с Риткой немного похожи. Обе длинноногие, волосы у Ритки после очередной окраски такие же светлые, как и у меня, так что придраться и понять, кто из нас кто, может только человек, который нас неплохо знает. Поэтому я не сомневалась, что номер с подменой у нас с ней прокатит.

– Вот еще что, – сурово сказала я. – Тебе надо взять на работе отпуск за свой счет.

– Почему? – удивилась Ритка.

– Потому что мы с тобой меняемся, а я на твою торговую братию смотреть абсолютно не настроена...

– Я сама могу, – почему-то обиделась за свою глупую фирму Ритка.

– Нет, – покачала я головой. – Тебе вообще не стоит там показываться. Думаю, что эти твои... То есть убийцы. В общем, они, если серьезные люди, наверняка наведут о тебе справки и быстренько заявятся на работу. Может быть, у них, конечно, и не так здорово с интеллектом, но рисковать не стоит.

Ритка попереживала, что ее могут уволить, но я так на нее взглянула, что она поняла – пусть уж лучше уволят, чем убьют. На том мы и порешили.

Под нашими окнами уже слышались голоса, где-то прогрехотал троллейбус, прогудел не遠деке отплывающий пароход. Дикторша с приятным голосом оповестила нас, что уже семь утра, а это означало, что через полтора часа Ритка может спокойно отчаливать в сторону моего дома, оставив меня наблюдать за подозрительной квартирой.

Посмотрев в сторону все так же распахнутого окна, я подумала, что надо бы вызвать милицию, но вспомнила, что тогда мне придется раскрывать свое инкогнито, а мне бы этого не хотелось. Поэтому я пожелала несчастному старичку, чтобы его пораньше обнаружили, и передела Ритку в свои вещи. Волосы заколола ей сзади в хвост и одобрительно улыбнулась.

– Ну? Я на тебя похожа?

– Конечно, не так хороша, но терпеть можно, – нахально заявила я.

– Ну, знаешь... – начала было Ритка, но, подумав, перестала обижаться. – Вообще-то да. Не очень-то и похожа...

Мы попрощались, договорились, что она позвонит через некоторое время, и она ушла.

А я осталась одна, как перст, с самыми смутными перспективами. За моим окном бродили преступники, мечтавшие меня уничтожить как ненужного свидетеля, и единственное, что скрашивало мою многотрудную жизнь, была огромная библиотека Риткиных родителей.

* * *

Заняв удобную позицию для наблюдений, я закурила и приступила к своей нелегкой миссии. Конечно, моя миссия была исполнена благородства, что несколько утешало. Я начала уже понемногу засыпать, уставившись в окно, которое по-прежнему оставалось открытым – по-видимому, старикан интересовал только одну меня да еще Ритку, которая в данный момент мчит к моей квартире. Или нет. Уже домчала и самым бессовестным образом завалилась спать на моем сексодроме.

Я посмотрела на телефон, который сейчас предпочитал молчать, и подумала, что уж могла бы и позвонить – откуда я знаю, жива ли она?

Наконец телефон нарушил загадочное молчание, я схватила трубку и с облегчением услышала голос Ритки:

– Тань, у меня все в норме. Добралась. Как у тебя?

– Ничего, – сообщила я, стряхивая остатки сна, которые начинали побеждать меня. – Похоже, этот старичок никого совершенно не интересует...

– Как же это? – искренне удивилась Ритка. – Мне казалось, что он ночью очень даже многих интересовал. К нему в квартиру ломались все, кто мог. Даже я в окно подглядывала. Почему же сейчас он совсем перестал занимать чье-либо воображение?

– Наверное, интерес к нему пробуждается только по ночам.

– Бедняга, – вздохнула Ритка. – Я бы так не смогла.

Мы обсудили досконально проблему одиночества, и Ритка неуверенно сказала:

– А родственников у него, похоже, нет...

– Знаешь, вот полная пустота. Ни единого человечка не попыталось к нему проникнуть. Может быть, все-таки вызвать милицию?

– Думаешь? А если они спросят, почему мы сразу не позвонили?

Да, Ритка была права. Именно это их и заинтересует в первую очередь. И что тогда мы должны ответить? Что, простите, мы спать очень сильно хотели. Посмотрели, как старикана убивают, и, зевнув на прощание, отправились спать. Да уж, не зря моя мамочка всегда говорит мне, что авантюризм зачастую заводит в тупик... Посидев еще немного в этом самом тупике, мы перешли на обсуждение личных проблем. Я спросила, не появлялись ли клиенты. А Ритка спросила, что делать, если они появятся. Мы подумали и решили, что она будет там изображать моего секретаря и перезвонит мне. Я сразу же примчусь и обниму клиента. Хотя чего мне его обнимать – у меня и так жизнь сейчас интересная. Хотя... Денег мне никто за это не заплатит, здесь я сижу на общественных началах, и клиента я все-таки обниму. Простившись с Риткой и повесив трубку, я бросила взгляд в окно и обрадовалась.

Наконец-то!

Я уж думала, что старикан так и пролежит там до второго пришествия, а к нему еще скоро присоединюсь и я, поскольку его убийца охотится теперь прямо за мной. То есть за Риткой, но убьет он все-таки меня.

Внизу стояла, задрав голову, толстуха в цветастом платье и зывала:

– Арташес Левонович! Арташес Левонович! Вы почему дверь не открываете?

Так как никто на ее призывы не откликнулся, я поняла, что Арташес Левонович и есть наш старикан.

Толстуха держала в руках сумку, набитую продуктами, и явно растерялась, не зная, что ей теперь с этими продуктами делать.

Она стояла бы еще долго, но из моего подъезда вышла вторая тетка, которая тоже задрала голову, о чем-то спросила толстуху, которая довольно громогласно изрекла:

– Да почему я знаю-то? Он сроду не уходил, с какой стати теперь? И на чем? У него ж ноги-то больные совсем...

Ага. У него, оказывается, были больные ноги и на улицу он почти не выходил. Всегда буду так работать! Сидишь себе перед открытым окном, куришь, а внизу соседи передают тебе бесценные сведения.

– Сейчас, наверное, еще раз поднимусь. Да и куда бы он ушел-то? И окно открыто. Он краж боялся...

Так, отметила я. Если он боялся краж, как и Риткины родители, значит, было что красть. Не пиво же из холодильника...

Тетки еще немного поговорили и позвали какого-то кудрявого мужичка, не очень, как мне показалось, твердо стоящего на ногах. Настроение у мужичка было очень даже веселое, потому как, несмотря на неуверенную походку, он пытался периодически облапать толстуху и запеть песню. Ни того, ни другого ему не позволялось, но он оптимизма не терял. Похоже, его попросили открыть дверь, за которой покоился Арташес Левонович, поскольку мужичок радостно гаркнул:

– Шас сделаем все по первому разряду!

Они двинулись в подъезд, а я затаила дыхание. Мне стало за них страшно. Искренне надеясь, что у них неплохие нервы, я стала ждать.

Первым с диким криком вылетел мужичок – нервы его были совсем никуда. Потом вышли тетки. Толстуха рыдала в голос, а маленькая поддерживала ее за локоть и увещевала тихим голосом.

– Да как же это... Как же... – твердила неутешная толстуха, из чего я сделала вывод, что по загадочной причине Арташес Левонович был ей весьма дорог.

А потом началось... Во-первых, во дворе стали собираться люди. Во-вторых, приехали менты, среди которых я без труда опознала Началова с Мельниковым. «Скорая» тоже приехала. Потом вынесли бедного нашего Арташеса под простыней, и я довольно долгое время была обречена наблюдать, как Началов ползает по кухне, пытаясь собрать отпечатки пальцев, а умненький Мельников смотрит прямо на мое окно, мучительно что-то соображая.

Зная его способность соображать, я испугалась. Конечно, он вспоминает, откуда ему этот дом знаком, и еще минут через десять припомнит, что именно в этот дом ходил к нашей общей подружке Ритке на день рождения. Естественно, его потянет сюда неудержимо, поскольку он без труда вычислит, что окно расположено напротив и кто-то что-то должен был бы видеть...

Придет и наткнется на меня. А уж когда он это сделает, начнет соображать дальше и поймет, что все, что я собираюсь ему наплести, – полное и законченное вранье.

В общем, я запаниковала. Сразу захотелось удрать куда-нибудь подальше, но... Тогда я вовеки не встречу с Риткиными убийцами, оставив ее под угрозой. А это меня совершенно не устраивало!

* * *

За окном убиенного Арташеса Левоновича все еще ползали Началов с молоденькой криминалисткой, из чего я заключила, что раз они этим так увлеклись, значит, есть чем поживиться. Впрочем, конечно, если верить Риткиным впечатлениям, убийц было достаточно много, а значит, и «пальчиков» тоже. Мельников в поисках участия не принимал, был занят «происками», причем, как я догадалась без особенного труда, он все-таки не оставлял надежды, что Риткины родители не спали всю ночь, припав к окнам. Жаль, что у Мельникова нет склонности к телепатии – я бы постаралась мысленно убедить его в том, что он не прав... Уж очень мне не хотелось нос к носу встречаться с ним в Риткиной квартире! Не знаю почему – я с удовольствием бы свалила на его голову это дело, но не теперь. Только после того, как поймаю убийцу. А то ведь с этими мужиками быть до конца уверенной ни в чем нельзя!

Уж конечно, я не верила в то, что Мельников безо всяких сомнений примет мою версию о том, что я оказалась в Риткиной квартире абсолютно случайно! Сейчас вот... Частный детектив Иванова еще нигде не оказывалась случайно. Так что он быстренько обо всем догадается и разрушит все мои грандиозные планы. Во-первых, потому как Андрюшка считает, будто я всегда слишком рискую, он пытается все время с этим усиленно бороться. Его основная теория – все продумать до основания, взвесить все «за» и «против» и только потом начинать действовать. У меня же наоборот. Я начинаю действовать, а уже потом анализирую, какие «за» и «против» имели наглость мне повстречаться. Иногда, конечно, вообще непонятно, как выхожу сухой из воды. Несколько раз я испытывала такие острые ощущения, что не приведи господь! Но привычка – вторая натура, и справиться со своей патологической любовью к риску я не могу. Может быть, я в прошлой жизни была канатоходкой?

За окном наконец-то уgomонились и начали собираться назад. Я пронаблюдала, как они вышли во двор и остановились. Мельников продолжал поглядывать задумчиво в сторону моего окна. Потом вышла еще и толстуха, которая сквозь слезы и причитания начала рассказывать

Мельникову, какой золотой человек был этот Арташес Левонович. Я весь этот панегирик выслушала, но никакой полезности в нем не обнаружилось.

Внезапно до меня донеслись слова Мельникова:

– А Шатохины в какой квартире живут?

Мороз пробежал по моей коже. Толстуха наверняка сейчас продаст!

– Да нет их, уехали... Дочка была, но утром я видела – села в машину и уехала куда-то.

Ах, какая милая женщина!

– То есть вы уверены, что они тоже ничего не видели?

– Может, Риточка что и заметила, только я сама видела, как она уехала. Может, на работу?

Мельников кивнул озабоченно. Бросив опять в мою сторону печальный взгляд, просто за душу хватающий и разрывающий ее на клочки, он тяжело вздохнул и отправился к Началову. Вместе они уселись в машину и рванули с места, оставляя меня совсем одну в этом ужасном месте, где каждый шаг может стать последним. А каждое поскрипывание за дверью может исходить от ботинок твоего возможного убийцы...

* * *

Конечно, неудобства начались сразу, как только я поняла, что мозги мои работают уже в направлении создавшейся проблемы, а я ничего сделать не могу. Во-первых, выйти и начать поиски можно, но это связано с тем, что я буду вынуждена раскрыть свое инкогнито, тем самым подставляя Ритку. Остается сидеть, как Илья Муромец, и думать.

Я и так уже много чего надумала. Имели мы следующее: некий престарелый армянин, неплохо живущий, но плохо передвигающийся, был убит. Перед этим к нему приходили трое – один сам по себе, а двое вместе. Если насчет первого Ритка сказала, что он был похож на капуцина, то двое других явно ни на что не были похожи. То есть похожи на всех. Один, правда, был в бейсболке, но в них почти весь город ходит в связи с жарой и экспансией американской масскультуры.

Первый пришел и столкнул старикана за окно. Или, если быть точной, никуда он его не сталкивал, а старикан так его боялся, что сам выпал. Значит, что-то такое в его прошлом было, почему он этого капуцина так опасался... Хотя не исключаю и того, что он просто перепугался, увидев чужого человека на собственной кухне, да еще и в три часа ночи!

Дальше что происходит? Старикан каким-то совершенно непонятным образом остается в живых и возвращается уже с двумя другими мужиками, которых он, судя по его поведению, знает. Возможно, они спасли его и довели до квартиры. А счастливый старикан начал их благодарить, поскольку Ритка говорила, что он прижимал руки к груди.

Ничего не понимаю. Но непременно пойму!

Когда я собиралась это сделать, не знаю. Потому что телефон зазвонил, как церковный колокол перед службой. Я подняла трубку и услышала игривый мужской голос:

– Ритуленька! Как делишки?

Я задумалась. Мне подобное отношение к даме не нравится, но, может, он у Ритки из «последней надежды», а я отважу его?

– Все хорошо, спасибо.

Кажется, я смодулировала голос под Риткин удачно, потому что он ничего не заметил, продолжая флиртозно намекать на наши близкие отношения:

– Не страдаешь без моих ласк?

Ну, это уж ни в какие рамки не лезет! Ритка где такого нашла? В борделе, что ли?

– Умираю, дорогой! – ехидно промурлыкала я. – Нет сил справиться с собой! Так жажду твоих поцелуев, что плачу и рыдаю, обнимая подушку!

Он примолк, потрясенный.

– Рита? Это ты?

– Я, – нагло соврала я. – Кто же еще может умирать без твоих объятий?

– Простите, я, наверное, не туда попал...

Трубку повесили. Надо позвонить Ритке, проконсультироваться, как надо вести себя с ее поклонником. Напрасно я думала, что он один. Потому что через минуту опять раздался звонок, и гнусавый голос осведомился, не намерена ли я выпить с ним пивка?

Нет, вот это Ритка! Она, оказывается, пиво попивает с какими-то гайморитчиками! Мало того, что некий тип душит ее в объятиях столь сильно, что ей должно стать плохо, так потом она еще и заливает это дело пивком?

Только я разобралась со вторым, кротно растолковав, что у меня болит горло и по этой причине я не настроена на его «пиво», как позвонил третий. Этот меня сразу порадовал сообщением, что его жена только что ушла.

– Я рада за нее, – меланхолично отозвалась я. – Куда же она пошла?

– Рит, ты чо? Приходи... У нас только два часа.

– Сейчас, – сказала я безмятежно. – Только учти: раз уж у нас так мало времени, тебе придется принять душ и раздеться без меня. А уж я влечу к тебе, как птичка, милый!

Этот почему-то поверил, несказанно обрадовался и, заверив, что все будет о'кей и я никогда этого не забуду, помчался выполнять мое приказание.

Я представила себе эту картинку и прыснула от смеха. Воспользовавшись тем, что армия Риткиных любовников взяла перерыв, я набрала свой номер и стала ждать ответа. Она взяла трубку.

– Тань, привет. Сiju тут, скучаю.

– А я нет. Тебе все время какие-то пошлые типы звонят, – поведала я ей.

Она удивилась:

– Что? Какие мужики? Откуда они взялись?

– Не знаю, но меня они замучили наглыми притязаниями на мою девичью честь! Как мне с ними обращаться?

– Посылай на три буквы, – рекомендовала Ритка. – Мне все эти идиоты сексуально озабоченные совершенно ни к чему. Тем более я ума не приложу, кто они такие. Наверное, Витька развлекается...

– Какой Витька?

– С работы. Сотрудник. Сейчас позвоню, узнаю. Потом перезвоню тебе.

– А клиенты?

– Пока тихо. Не беспокоят.

Да я и сама об этом догадывалась. Если ее и побеспокоит какой-нибудь завалященький клиент, то она с ним вполне справится...

Мне стало грустно. Я заварила кофе и достала кисет.

– Знаете, – сообщила я костям, прячущимся в нем. – Оказывается, быть не собой ужасно трудное занятие. Скорей бы уж появились убийцы, и все закончилось!

* * *

Ритка в то же самое время предавалась размышлениям о собственной незадачливости. Как же ей не везет!

Вляпаться в такую вот историю – это было для Ритки закономерно. Ей просто патологически не везло. Возлюбленные исчезали, жизнь была похожа на ночной кошмар, а теперь еще и эта напасть!

Вспомнив о возлюбленных, Ритка подумала о том, что какой-то олух издевается над Таней, и решительно набрала свой рабочий телефон. В том, что это может быть только Витька, которому нечем больше заняться на рабочем месте, она не сомневалась.

– Алло, – поднял он трубку.

– Витька, когда ты закончишь надо мной издеваться? – решительно приступила к нему Ритка.

Он ошарашенно замолчал.

– Рит? Ты что?

– Зачем ты звонишь мне разными дурными голосами и прикидываешься поклонником? – срывающимся от обиды голосом, проговорила Ритка. – Я тебя вообще-то считала другом, но твои идиотские розыгрыши уже переходят все границы.

– Ритка, ты чем заболела? У тебя психоз начался? Я никуда не звонил!

По его голосу Ритка поняла, что он действительно никуда не звонил. Тогда кто это мог быть?

Потом до нее дошло, что Витька и не мог звонить ей туда – ведь он не знает родительского номера!

– Прости, Витенька, – искренне проговорила Ритка. – Я только сейчас поняла, что это не ты!

– Ну ладно. Хорошо, что поняла. А что у тебя там происходит?

– Всякое, – мрачно усмехнулась Ритка. – Потом расскажу.

Повесив трубку, она прикусила губу и задумалась. Кто же это может быть?

«Вычислили, – подумала она со страхом. – Вот гады! Они меня вычислили и теперь про-веряют, дома ли я. Значит, Танька в опасности. Из-за меня, о боже!»

Мысль была ужасающей и вполне похожей на правду. Ритка быстро набрала родитель-ский номер.

* * *

Я как раз начала привыкать к Риткиному жилищу и освоилась настолько, что уже было вовсю абонировала ее кухню со своими костями, кофе и сигаретой, как опять зазвонил теле-фон. «Если это опять какой-нибудь пошляк, я отрежу ему язык», – мрачно пообещала я.

Подняв трубку, услышала взволнованный Риткин голос:

– Тань, это не поклонники!

– А кто? – поинтересовалась я. – Твой Витя?

– И не Витя! Танечка, я за тебя боюсь! Давай ты ко мне приедешь?

– А родительские ценности? – спросила я. – И потом, мы что, позволим убийцам разгу-ливать на свободе?

– Пускай их Андрюшка поймает, – робко предложила Ритка. – Мы ему поможем.

– Я вообще не пойму, чего ты вдруг переполошилась... Все нормально. Никто в дверь еще не ломится.

– Не нормально, Танюшка, совсем не нормально! Витька не звонил. Поклонников у меня уже три недели нет. Остается знаешь кто?

– Догадываюсь, что это какие-то застарелые поклонники, – вздохнула я. – Или убийцы проверяют, на месте ли их жертва.

– Вот! – закричала истошно Ритка. – Я это и хотела тебе сказать!

– А как же они номер-то могли узнать? Нет, Ритка, это же невозможно! И имя?

– Сейчас, Таня, все возможно! Они вычислили квартиру, а там уж все просто. По адресу. Таня, миленькая, давай ты оттуда уйдешь?

Ну, нет. Не дожидетесь... Еще посмотрим, кто кого сделает!

– Ритка, все нормально, не волнуйся! Как только услышу подозрительные звуки, сразу сигану из окна! К тому же у меня с собой моя «зажигалка».

– Зажигалка? – переспросила Ритка. – Ты их что, поджечь решила?

– Нет, это я так свой газовый пистолетик называю.

Кажется, факт наличия у меня оружия слабо успокоил Ритку.

– Все равно я за тебя волнуюсь...

– Да брось, – приободрила я ее. – И не на таких кольях висели!

Она еще раз попробовала воззвать к моему здравому смыслу, но – увы! Азарт уже пьянил меня. Теперь никто бы не смог выкурить меня из этой квартиры! Пока, конечно, я не разберусь с этими негодяями...

Я повесила трубку и уже взялась за кости, чтобы оракул высказал мне свое мнение на этот счет, но странные звуки у двери заставили меня затаить дыхание.

Сначала я четко слышала шаги. Шаги были осторожными, загадочными – человек явно хотел, чтобы его никто не заметил. Потом шаги замерли возле моей двери, и некоторое время мы постояли по обе стороны ее, затаив дыхание. Потом мой преследователь как-то странно покружил вокруг да около, я так и не поняла зачем. Наверное, кто-то вышел. Верно. Дверь по соседству хлопнула, я слышала робкое «здрасьте», и, когда бодрые каблучки сбегали вниз, попытки наезда на мою дверь возобновились.

Я сжала побелевшими – скорее от гнева, чем от страха, – пальцами рукоятку пистолета и стала ждать.

Он пытался открыть дверь, сопел и тихонечко чертыхался. Сейчас мы со всем покончим и разойдемся, подумала я. Осталось совсем немного. Чуть-чуть...

Глава 3

Когда дверь стала поскрипывать, давая понять, что собирается сдаться на милость победителя, мои нервы не выдержали, и я с воинственным кличем сама распахнула ее, бросаясь на врага. Враг истошно взвизгнул и вырвался. Я намертво схватила его за рукав, поскольку мой убивец оказался гораздо слабее меня.

– Пустите, тетенька, – откуда-то снизу проканючил «убивец», испуганно оглядывая меня.

С удивлением обнаружив, что человек, посягающий на неприкосновенность Риткиного жилища, слишком юн, чтобы быть всерьез опасным, – ему было не больше двенадцати, – я перевела дух, стараясь справиться со смехом, и пробормотала:

– Ну нет. Какого черта ты ломишься в чужую дверь?

– Меня тетенька попросила, – пролепетал ребенок. – Там внизу.

– Какая еще тетенька?

– Обычная. Толстая. Сидит внизу на лавочке и ждет, когда я ей корвалол принесу. У нее с сердцем плохо стало. Она мне ключ дала и попросила принести.

Уф! Парнишка протягивал мне в качестве доказательства ключ от Риткиной квартиры. Но какая, черт ее побери, может быть толстая тетеха у Ритки? У нее отродясь теток не было. Бог миловал от такого сокровища...

– Пойдем, – решила я. – Покажешь мне эту тетеньку Мотеньку.

По дороге я решила, что эта чертова тетка вполне может оказаться членом «киллерской» банды, поэтому возле выхода приостановила парня и сказала:

– Значит, сделаем так. Ты выйдешь первым и попробуешь ее задержать. А я выскочу следом.

– Почему?

– Потому, что кончается на «у», – крайне убедительно объяснила я. – Может быть, твоя тетка с корвалолом – бандитка, которая решила ограбить квартиру.

– Да вы что? – вытаращил он на меня глаза. – Такие не грабят! Она приличная и толстая, даже удрать не сумеет.

– Тогда чего ей понадобилось в моей квартире? – спросила я, нагло присвоив себе чужую недвижимость.

– Не знаю. Может, у нее от сердечного приступа в голове помутилось?

Но он все-таки вышел первым, а потом я вылетела стремглав через две секунды.

И застала его вконец растерянным.

Пацан стоял перед совершенно пустой лавочкой и глазел на нее с таким недоумением, как если бы ему повезло увидеть приземлившуюся летающую тарелку.

– Она...

В безграничном ужасе пацан обернулся ко мне.

– Она здесь была, честно! – с отчаянием выкрикнул он. – Я правду вам говорю!

– Я тебе верю. Давай описывай свою тетку подробно. Поскольку вряд ли у нее закончился сердечный приступ, просто ей было нужно узнать, кто находится в квартире.

Я огляделась. Почти на сто процентов уверенная, что поганая тетка не ушла совсем, а преспокойно затаилась в укромном местечке и наблюдает за мной с неослабевающим интересом. Вместе с моим добровольным помощником мы попытались обшарить дворик, почти как Началов Арташеслевоновичеву квартиру, но тетка не нашлась.

Я выругалась, совершенно забыв о присутствующем рядом со мной молодом поколении.

– Куда же эта зараза подевалась?

Парень неопределенно пожал плечами, всем своим видом показывая, что сей факт абсолютно недоступен его пониманию, и мы сели на ту самую лавку, на которой еще недавно восседала злоумышленница, вероятно, оказавшаяся главарем банды.

– У нее были какие-нибудь приметы?

– Нет... Только голос был странный. Хриплый такой. Будто она всю жизнь «Приму» курила...

– А ты откуда знаешь, какой голос от «Примы»? – спросила я ребенка.

– Ну... папа.

Ага, так я тебе и поверила! Сам, наверное, куришь!

– Если будешь курить, не вырастешь, – заявила я, нахально закуривая.

– А вы?

– Я уже выросла, мне можно... Значит, говоришь, у нее был очень грубый голос?

– Ага... И много косметики. Я еще подумал, что она слишком перемазалась в пудре. У нее на носу даже катышки были...

Черт! Я подпрыгнула. Хриплый голос. Много косметики... А насчет грубости черт – можно не сомневаться, что дети давно привыкли к тому, что многие наши дамы-с обладают квадратными челюстями.

– Теперь вопрос на засыпку – она была похожа на мужика?

Парень призадумался, как бы восстанавливая перед своими мысленными очами образ «прекрасной дамы».

Потом неуверенно кивнул и пробормотал:

– Да... Кажется.

Ну вот, все понятно. Правда, мужика мы проворонили, но я уже хотя бы знала, что в состав этой отвратительной банды женщина не входит. А входят следующие: мужчина в капюшоне, страдающий бессонницей, двое мымриков в бейсболках и один толстяк, любящий прикидываться женщиной.

Ну и компания, скажу я вам! Глупее не придумаешь...

* * *

Ритка сидела, подперев ладошкой подбородок, и пыталась припомнить всех своих знакомых, которые могли звонить Татьяне по телефону. Хотя она и решила поначалу сгоряча, что звонили убийцы, сейчас ее все-таки стали одолевать некоторые сомнения. Первое, чего она никак не могла понять, – это каким образом стало известно ее имя? Ну а в том, что никаких поклонников у нее последнее время не было, кроме одного, она как-то не очень сомневалась. Или все-таки были, но тайные? Тогда вряд ли они осмелели настолько, что стали буквально досажать ей своими приглашениями недвусмысленного содержания.

Ситуация со звонками Ритке совсем не нравилась, так же как и то, что вместо нее сейчас может пострадать совершенно невинный человек... Впрочем, Ритка-то сама чем виновата? Тем, что ей не спалось и, чтобы скрасить ночное одиночество, вздумалось посмотреть в окно? Больше никогда она в окна смотреть не станет, это уж точно... Вообще окна черными занавесками занавесит и до самой смерти взгляда туда не бросит... Хотя упоминание о смерти и напомнило Ритке о ее теперешнем незавидном положении, она все-таки взяла себя в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.